

Ритард Длинные Руки
Ритард Длинные Руки — воин Господа
Ритард Длинные Руки — наладка Господа
Ритард Длинные Руки — сенюр
Ритард де Амальфуи
Ритард Длинные Руки — властелин трех замков
Ритард Длинные Руки — виконт
Ритард Длинные Руки — барон
Ритард Длинные Руки — ярл
Ритард Длинные Руки — граф
Ритард Длинные Руки — бурграф
Ритард Длинные Руки — ландлард
Ритард Длинные Руки — пфальцграф
Ритард Длинные Руки — оберлорд
Ритард Длинные Руки — коннетабль
Ритард Длинные Руки — маркиз
Ритард Длинные Руки — гротграф
Ритард Длинные Руки — лорд-протектор
Ритард Длинные Руки — майордом
Ритард Длинные Руки — маркграф
Ритард Длинные Руки — тауграф
Ритард Длинные Руки — фрейграф
Ритард Длинные Руки — вильдграф
Ритард Длинные Руки — раугграф
Ритард Длинные Руки — кокунг
Ритард Длинные Руки — герцог
Ритард Длинные Руки — эрцгерцог
Ритард Длинные Руки — фюрст
Ритард Длинные Руки — курфюрст
Ритард Длинные Руки — гротфюрст
Ритард Длинные Руки — ландесфюрст
Ритард Длинные Руки — граф
Ритард Длинные Руки — князь
Ритард Длинные Руки — эрцфюрст
Ритард Длинные Руки — рейхсфюрст
Ритард Длинные Руки — принц
Ритард Длинные Руки — принц-консорт
Ритард Длинные Руки — вице-принц
Ритард Длинные Руки — эрцпринц
Ритард Длинные Руки — курпринц
Ритард Длинные Руки — эрцпринц
Ритард Длинные Руки — принц короны
Ритард Длинные Руки — грандпринц
Ритард Длинные Руки — принц-регент
Ритард Длинные Руки — король
Ритард Длинные Руки — королева-консорт
Ритард Длинные Руки — монарх
Ритард Длинные Руки — штатгальтер
Ритард Длинные Руки — принц императорской фамилии
Ритард Длинные Руки — император
Ритард Длинные Руки — Властелин Баровой Звезды Зла
Ритард Длинные Руки. Ритард и Великие Мечи
Ритард Длинные Руки. В замке

Ритард Длинные Руки. Удар в спину

Часть первая

Глава 1

Жанна-Антуанетта еще всхлипывала, когда в кабинет торопливо вошли Альбрехт и Келляве, за ними грузно вдвинулся дородный сэр Рокгаллер, градоначальник захваченной столицы.

Альбрехт с порога окинул цепким взглядом комнату, на мгновение задержал его на вытирающей слезки кружевным платочком маркизе.

А когда повернулся в мою сторону, на его строгом лице читалось, что все беды на свете от женщин, начиная с тех, что пошли от глупого поступка Евы.

— Садитесь, — велел я, — без церемоний. Мы в полевом лагере, хоть это и дворец. Появился враг и уже нанес первый удар.

Сели молча, очень серьезные и настороженные, только на лице Келляве проступило нечто вроде злого удовлетворения, наконец-то зримый враг, с которым можно скрестить мечи, да еще Альбрехт чуточку дернул щекой, дескать, сколько было этих ударов, и все еще первый?

Я пересказал услышанное от Жанны-Антуанетты, все продолжили хранить молчание,





только быстро схватывающий Альбрехт вздохнул и покачал головой.

— Подметное письмо, — проговорил он с неудовольствием. — Конечно, пусть его проверят специалисты Норберта. Наш доблестный граф... или он уже герцог?... подмял под себя и местную тайную службу, но даже это вряд ли что-то даст в данном случае. Придется ждать их требований. Кстати, я понимаю жажду сэра Ричарда встретить ясно осязаемого врага и вступить с ним в бой, но этот случай вряд ли дает нам достойного нашей силы и мощи врага.

Сэр Келляве и Рокгаллер даже не переглянулись, но по их лицам видно, согласны с Альбрехтом, тот быстрее всех схватывает любую ситуацию и делает самые разумные выводы, словно не благородный рыцарь высокого происхождения, а торговец какой.

Рокгаллер сказал несчастным голосом:

— Зато по требованиям пойдем, кто они и чего добиваются. С другой стороны, вот так взять и дать им преимущество?

Келляве вздохнул, от него тоже требуется высказать свое мнение, а это труднее, чем махать мечом.

— Сэр Ричард, — сказал он с холодноватой отстраненностью, — предпочитает действовать в интересах империи, не примешивая ничего личного. А интересы державы говорят, что это личное дело маркизы.

Альбрехт и Рокгаллер молча перевели взгляды на меня. В их глазах читалось, Келляве прав, маркиза слишком ничтожная величина для империи. А личные проблемы все, кроме императора, должны решать самостоятельно.

Строгие, осознающие груз ответственности, шутка ли — подмяли империю! — глядят на меня выжида-



юще и требовательно. Сейчас мы не шайка баронов, с мечами в руках отстаивающие свои крохотные земли, под нашей властью такое, что уже все начали побаиваться раствориться в необъятной империи.

— Личное, — согласился я, — мы все должны отделять личное от государственного, что пока удастся, мы же с Севера! Но в деле маркизы есть одна крайне неприятная деталь...

Келляве задвигался в кресле, доспехи протестующе звякнули.

— Ваше величество?

Я пояснил:

— Согласившись принять ее в качестве лица империи, я тем самым подставил и ее под удар.

— Империю? — уточнил Келляве.

— Маркизу, — ответил я. — Сейчас она важный и дорогостоящий бренд. Некая заметная деталь в политико-экономической модели империи. Переходом от Скагеррака в наши ряды принесла важные имиджевые очки команде реформаторов. Терять эти очки разве не государственная оплошность?

— Так мы не теряем, — напомнил Келляве. — А муж... что муж? Мы даже не знали о нем. Не жалко.

Маркиза вскочила и метнула в его сторону взгляд, полный негодования и ярости.

— Сэр! — вскрикнула она звенящим от ярости голосом. — Я здесь!

Я хлопнул себя по лбу.

— Ах да! Маркиза, подождите, пожалуйста, в соседней комнате. Мужской разговор, да еще людей благороднейшего происхождения, бывает не для женских ушей.

Альбрехт встал, галантно провожая ее, отвел в сторону внутренних помещений моих императорских



апартаментов, а там плотно прикрыл за нею толстую дверь, чтобы не оставалось ни самой крохотной щели.

— Ты куда отвел? — спросил я, когда он вернулся и сел. — Дверь в оранжерею справа.

— Да ладно, — ответил он. — У вас и туалетная комната как спальня. А цветы от слез вянут.

Я повернулся к внимательно слушающим Келляве и Рокгаллеру.

— Не буду напоминать о довольно оскорбительном желании этих неизвестных лиц как-то влиять на вашего императора! Даже руководить им.

Альбрехт, сильно морщась, прервал бесцеремонно:

— Позвольте, Ваша Звездность, но я что-то не усмотрел желания влиять на вас!

Остальные промолчали, но я видел на их лицах то же самое выражение подчеркнутого и даже демонстративного непонимания.

— Бросьте, принц, — сказал я. — Вы же прекрасно понимаете, что сочту себя задетым. На это и был расчет.

Он взглянул на меня исподлобья.

— Что, правда, уже принц?

— Разве нет? — переспросил я. — Ладно, потом разберемся. В общем, герцог, вы уже знаете, мы все здесь сидим как на иголках в ожидании удара с той стороны, откуда не ждем. Возможно, это как раз тот случай.

Рокгаллер покряхтел, подвигался в кресле, устраиваясь, как королевский пингвин в утесах.

— Что за удар, — переспросил он, — если не вовлечена армия?

— Уж вам-то не знать, — сказал я с укором, — вы и на Севере не были только лихим рубакой. Удар может



быть таким, что армия не успеет и хрюкнуть, а не то что почесать задней лапой за ухом.

Келляве произнес с ноткой недоумения:

— Муж для маркизы почему-то много значит, кто бы подумал?.. Обычно для женщин значение имеет только размер его доходов, а также длина титула...

— Вы правы, сэр Гастон, — сказал я. — Но если маркиза так привязана к мужу, то без него ей будет не совсем. А это скажется на ее облике, что бросит некоторую тень на облик представляемой ею империи. Потому давайте думать, как ей помочь, потому что это в интересах нашей империи. Мне за державу обидно, а вам?.. Ладно, можете не отвечать.

Рокгаллер проговорил после паузы:

— Установить наблюдение за маркизой. С кем общается, кто к ней подходит... Даже кому кивнет, улыбнется. Как улыбнется.

— Привлечь магов, — предложил Келляве. — Чтоб никто незримником не прошел. У охраны есть амулеты?..

— Снабжены, — ответил я. — Спрошу у Карла-Антона.

Альбрехт прервал:

— Ваше величество, а почему его не позвали? Он как человек благородного происхождения вполне вхож в наш круг.

Келляве кивнул и добавил с уважением:

— К тому же так много сделал для нашей победы над филигонами!

Я сказал громко:

— Карл-Антон!.. Вы меня слышите?.. Повелеваю явиться на военный Совет в моем кабинете!

С минуту все сидели в тишине, наконец в дверь стукнули, заглянул Периральд.



— Ваше величество, — провозгласил он зычно, подражая то ли дворецкому, то ли церемониймейстеру, хотя вряд ли знает между ними разницу, — к вам сэр Карл-Антон!

— Пусть войдет, — распорядился я, отметив для себя, что Периальд назвал его сэром, а это значит, слух о благородном происхождении чародея уже пронесся по дворцу, а то и по городу.

Дверь распахнулась шире, Карл-Антон вошел все в том же плаще с откинутым на спину капюшоном, в шляпе с высокой тульей и в сапогах из грубой кожи.

На лицах собравшихся отразилось удовлетворение, маг еще в большей степени, чем они, верен одежде Севера.

Я кивнул чародею на свободное кресло:

— Садитесь, благородный сэр. У нас уже началось обсуждение, но пока ничего не решили. Дело в том...

Карл-Антон опустился в кресло, не снимая шляпы, обычай гильдии, что даже выше законов, повелевают оставаться в шляпе. Держится, как заметил я, со скромным достоинством именно так, как от него и ждут.

Я пересказал суть проблемы, Альбрехт тихонько переговаривался с Келляве, Карл-Антон осторожно слушал и помалкивал, понимая деликатность своего положения, хотя тайна его благородного происхождения и раскрыта, но все же чародей, адепт нечистой магии, хотя и как бы на стороне церкви, но все-таки не совсем свой.

— Мне нужно подержать в руках то письмо, — проговорил он наконец. — Если без защитных заклятий, то могу узнать, кто отправлял... Или место, откуда...



Я кивнул Альбрехту, он быстро подошел к двери комнаты, куда отвел Жанну-Антуанетту, приоткрыл и крикнул:

— Маркиза!.. Ох, простите, я в задумчивости ничего не видел... Его величество изволит велеть вам со всей возможной скоростью доставить перед его как бы светлые очи то самое письмо... Но все же не торопитесь в таком деликатном деле...

Через минуту дверь распахнулась. Мимо Альбрехта промчалась с пунцовыми щеками Мария-Антуанетта, на бегу обеими руками подбирая длинный подол платья.

На этот раз Альбрехт проводил ее лишь вежливым поклоном, бегать несолидно даже герцогу, а уж тем более принцу, если это не на войне, конечно.

Хрурт едва успел распахнуть перед нею дверь. В коридоре мелькнуло удивленное лицо Периальда, которому едва не угодила в объятия.

Нас окатила волна нежных духов с примесью тепла ее тела.

Хрурт не успел закрыть дверь, как нечто огромное и тяжелое отпихнуло его, в кабинет ворвался Адский Пес с горящими, как раскаленные уголья, глазами.

— Ваше величество, — прокричал из коридора Хрурт. — Ваша собачка! Она сама...

— Закрой дверь, — буркнул я.

Бобик быстрым взглядом окинул стол, но там ни жареного гуся, ни кабанчика, ни даже пирогов с мелкими пташками, которые просто обожает, разочарованно вздохнул и с размаха плюхнулся на пол у моих ног, придавив ступни.

Карл-Антон кивнул в сторону двери:

— Ваше величество... это стоит вашего вмешательства?..



— Вообще-то женщины ничего не стоят, — согласился я. — Но некоторые, если верить поэтам, ценятся ну прям как не знаю что. К счастью, политика далека от поэзии, она смесь математики и бесстрастной расчетливости богомола. А расчеты показывают, что, защищая ее, защищаем себя...

— В известной степени, — сказал он.

Я кивнул:

— Да, конечно. Словом, устанавливаем скрытое наблюдение за нею и ее окружением, Карл-Антон проверит письмо, а мы додумаем остальные меры защиты.

— И нападения, — договорил Альбрехт. — Я просто не могу представить, чтобы сэр Ричард только защищался.

Я промолчал, приходилось и защищаться, и позорно удирать, и быть схваченным, но историю пишет победитель, а в ней я проеду на белом коне от первой страницы до последней, милостиво улыбаясь и разбрасывая пряники под ликующие крики благодарного народа и взлетающие кверху лифчики и трусики. Ах да, их пока еще не придумали.

Рокгаллер вздохнул так тяжело, что заколыхались два подбородка, а третий раздвинулся по груди, подобно взопревшему тесту, готовому в печь.

— А что за противник, — поинтересовался он задумчиво, — которого не страшит Багровая Звезда? Такого и вообразить не могу.

— Либо в таких глубинах земли, — сказал я медленно, — куда разрушительная мощь Маркуса не достанет... либо где-то слишком высоко.

Альбрехт прервал:

— Простите, ваше величество, но есть более простой вариант.



— Слушаю, — сказал я недовольно.

— Просто спрятались, — ответил он, — так что не найти. Либо в Запретных Землях, что остаются целыми даже после визитов Маркуса, либо здесь же в Волсингейме, но хорошо законспирированы. К примеру, это все задумала и осуществляет герцогиня Херствардская, на которую уж никак не подумаешь...

Келляве буркнул:

— В Запретных Землях сами в тюрьме. Если бы только могли выйти... интриговать не стали бы.

— Могли одичать, — предположил я. — В изолированных общинах так всегда. Для высоких технологий нужна человеческая масса хотя бы в пять-десять тысяч тонн живого веса. Ладно-ладно, отвлекся. Тоже думаю, скорее всего, хорошо спрятались.

На меня посматривают несколько странно, снова не поняли, почему не хочу спорить, властелин тоже постепенно превращается сперва в заложника своих лордов, а потом обычаев, моды...

Хорошо, мелькнула сердитая мысль, хоть не любовниц. Тогда вообще кранты. Хотя могут присобачить и такое, раз уж хочу помочь маркизе, даже военный совет созвал. Все еще не понимают, что борюсь не за нее, ставки куда выше.

Глава 2

Явился запоздавший Норберт, слегка запыхавшийся, но по движениям и лицу незаметно, только воинственно поднятые кончики усов слегка распрямились, а для всегда ровного Норберта это уже заметный признак.



Бобик проснулся, вылез и помахал ему хвостом, Норберта любит, тот всегда принимает от него пойманную в дороге добычу и никогда не говорит, что все, хватит.

Альбрехт и Рокгаллер начали быстро посвящать начальника разведки в проблему, я постучал кончиками пальцев по столу, дробь показалась похожей на грозный топот скачущей рыцарской конницы. Норберт взглянул с вопросом в глазах, взгляд серых глаз тверд и прям, как и сам Норберт.

— Пока маркиза несет письмо, — сказал я, — уточним бытовые мелочи. Сэр Норберт, как там Скагеррак?

— Все тихо, — ответил он четким голосом. — Даже чересчур.

— Как это?

— Ощущение такое, что затаился, — пояснил он. — Но гонцы так и шмыгают. И конные, и багерные.

— Это не преступление, — сказал я, — может быть, шлет поздравления с днем рождения или свадьбой. Карать будем за действия, мы же местами демократы, а на остриях своих рыцарских копий принесли мир и гуманизм. Сэр Рокгаллер?

Рокгаллер начал было вынимать грузное тело из тесного для него кресла, но Альбрехт придержал за плечо, Рокгаллер послушно опустился и ответил уже сидя:

— Все спокойно, ваше величество!.. Я сначала даже спать не мог, все старался понять, чего все такие. Заговоры выискивал, ко всему присматривался...

— И как?

— Все спокойно, — повторил он с ноткой удивления. — Похоже, им без разницы, кто император.



А все мы, что обидно, вроде труппы бродячих актеров, что дает представление. Дескать, повеселили благородную публику своей одеждой и манерами и уйдем дальше...

— Очень точное определение, — сказал я. — Спасибо, сэра Рокгаллер! Сэр Норберт, что насчет безопасности нашей империи?

Норберт, что не успел сесть, повернулся ко мне, прямой, как рыцарское копье, сухой и костистый, даже с виду твердый, как ствол матерого дуба, взглянул сурово и прямо.

— Ваше величество, — ответил он бесстрастным голосом, — тревожных новостей нет, хотя, конечно, кто знает, что на дальних рубежах. Но я послал с вашего разрешения на все кордоны наших людей. А что касается маркизы...

— Да, слушаю.

— Вокруг нее вьется много народу, — сообщил он, — а теперь, когда у нее такое положение, будет еще больше, но все... безобидные. Светские хлыщи. Такие даже шнурки себе сами завязать не смогут, могут быть опасны только своей непроходимой дуростью и наглостью. Вообще-то можно от них изолировать...

Я покачал головой:

— Не нужно. Пусть все идет, как и прежде.

Дверь приоткрылась, вполглаза заглянул Хрурт:

— Ваше величество!.. Маркиза...

— Впустить! — велел я.

Он открыл дверь шире и ждал, наконец раздался далекий стук каблучков. В кабинет влетела Жанна-Антуанетта, с раскрасневшимся лицом и заплаканными глазами, в руке сиротливо трепещет клочок бумаги.